

Васил Проданов¹

ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ К ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ

Большой цикл интернационализации или первой глобализации мир пережил в конце 1840-х годов. Затем, с началом Первой мировой войны и особенно с наступлением Великой депрессии в 1930-х годах стал набирать силу обратный процесс — деглобализация.

В настоящий момент мы являемся свидетелями аналогичной цикличности. После неоллиберальной глобализации, ставшей результатом кризиса капитализма в 1970-х годах, когда возможности роста в рамках социального государства были исчерпаны, капитал глобализовался, уничтожая в 1989 году отделившийся от него в самостоятельную зону государственной социализм в Восточной Европе. Сейчас мы находимся в начале процесса сокращения возможностей накопления прибыли в глобальном плане и роста противоречий, принуждающих капитализм вновь устанавливать границы и искать убежища внутри них.

Переход от монополярности к многополярности и деглобализации

Тенденция к деглобализации характеризуется периодическими кризисами монополярного мира с явным гегемоном, доминирующим в глобальном масштабе, и переходом к многополярному миру, разделенному между различными конкурирующими между собой великими силами. При первой глобализации в XIX веке мировым гегемоном была Великобритания. В конце XIX века США и Германия настигли ее и вышли вперед — началась война за передел мира и установление границ. После Второй мировой войны, до 1990-х годов в мире в качестве доминирующей силы, заинтересованной в глобализации и глобальном господстве, утвердились США.

Сейчас мы снова наблюдаем восход многополярного мира, в котором США теряют право на мировую гегемонию. При этом Китай является основным игроком, выигравшим от глобализации. Началась новая битва за сферы влияния, поиск долгосрочных и временных союзников, зарождаются процессы распада в отдельных регионах, локальные войны. Именно поэтому еще в 2008 году один из ярчайших идеологов глобализации Роберт Каган написал в своей книге «Возвращение истории и конец мечтаний», что так же, как и в канун Первой мировой войны, мы наблюдаем возвраще-

ние к «реалистическому» типу политики². США теряют лидерские позиции, а Китай, опережая их по ВВП, все еще не готов занять место США, несмотря на то что в январе 2017 года Си Цзиньпин заявил в Давосе, что его страна может стать лидером глобализации, если США захотят «закрыть свои границы».

Из этого следует, что нам предстоит пережить довольно длительный период существования реально-конкурентного мира и капсуляции отдельных государств и блоков. Процессы государственного раздела и распада будут расширяться. В Европе уже наблюдаются такие тенденции: от Каталонии, Страны Басков, Шотландии и Фландрии до Македонии и Украины. Неоспорим тот факт, что в XX веке каждый значительный исторический переход сопровождался распадом государств и ростом числа политических субъектов. Пышным цветом расцветают этнические и религиозные конфликты с активным участием интернациональных бригад, что, например, происходит сейчас в Сирии и Ираке или ранее в Афганистане.

Национальные интересы, патриотизм, национализм уже вытесняют так называемые общеевропейские ценности и неоллиберальный глобализм, аналогично процессам, происходившим накануне Первой мировой войны, когда был отвергнут предшествующий интернационализм. Все это проявляется в нарастающем кризисе неоллиберальной интеграции, нашедшем свое отражение в брексите, заявлениях Трампа об антииммигрантской и протекционистской политике США, провале двух глобальных проектов свободной торговли — Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) и Транстихоокеанское партнерство (ТТП).

Социально-экономические предпосылки деглобализации

Глобальный рынок создает благоприятные условия для одних социальных групп и регионов, ухудшая положение других и вызывая резкий скачок разнообразных неравенств и противоречий. Во-первых, это рост регионального неравенства как внутри государств, так и в рамках таких региональных объединений, как, например, ЕС, где налицо ярко выраженный процесс периферизации Восточной и Южной Европы. Во-вторых, увеличение социально-экономического неравенства, ведущее к упадку среднего класса в разных частях света и процветанию 1 % сверхбогатых. В глобальном плане на данный момент в руках восьми человек сосредоточено богатство, равное богатству половины человечества. Миллионы обедневших расценивают глобализацию как угрозу, поэтому набирающие силу популистские и националистические партии начинают бороться за их голоса.

Во многих странах идет сокращение объемов иностранных инвестиций и внешней торговли. Растет вол-

¹ Профессор кафедры политической экономии Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук. Главный секретарь Болгарского философского общества (1978–1989), директор Института философской науки (1988–1992) и Института философских исследований БАН (1995–2010). Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 21 монографии: «Добро и дльжимо», «Познание и ценности», «Биосоциальные ценности», «Биоэтика», «Гражданское общество и глобальный капитализм», «Насилие в современную эпоху», «Будущее философии», «Социология философии», «Теория болгарского перехода»; статей: «Перспективы на левицата в идващия постнеоллиберален свят», «Служебно правителство в света “пред бездна”», «Несуверенна демокрация и политическо еничарство», «В ЕС витае призракт на еврокатастрофката» и др. Член редколлегий ряда научных журналов.

² Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. Atlantic, 2008.

на недовольства важнейшим фактором, который стал причиной сегодняшних противоречий, — глобальным рынком, разделившим страны и социальные группы на выигравших и проигравших. Агентство «Блумберг» опубликовало аналитическое исследование «Мировая экономика закрывается», в котором говорится о появлении экономического национализма, желании и обещаниях ввести ограничения для торговли, потоков капитала, иммигрантов, высказываемых различными политиками, в частности Дональдом Трампом и Марин Ле Пен. Неoliberalная глобализация рынка была начата Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рейганом в США. Сейчас там же зарождается противоположный процесс. Количество ограничений и дискриминационных мер в области торговли, введенных государствами с 2009 по 2015 год, в три раза превышает число действий по ее либерализации. Только за первые 10 месяцев 2015 года было зарегистрировано 539 инициатив правительств разных стран, которые создают препятствия международной торговле, инвесторам, обладателям интеллектуальной собственности, и это своеобразный рекорд. В США, Великобритании, Австралии проводятся акции «покупай товары местных производителей», в Китае запрещено приобретать за рубежом стратегические и военные технологии, вводятся новые экологические стандарты, чтобы заблокировать ввоз тех или иных товаров. Финансовая политика — это инструмент торговли в США, Европе, Японии, где используется комбинация искусственно заниженных процентных ставок, количественного смягчения и прямых валютных интервенций для получения конкурентного преимущества. С помощью девальвации сокращается покупательная способность иностранных инвесторов, которые становятся держателями обесцененного национального долга. Применяются различные способы ограничения оттока капиталов. Из анализа агентства «Блумберг» следует вывод, что «в будущем экономики определенно будут менее открытыми, чем сегодня»¹. Это подтверждается появлением в декабре 2016 года в ведущем американском журнале «Foreign Affairs» статьи «Конец глобализма»². «Положить конец экономической глобализации» призвал совсем недавно и Римский клуб.

В США борьба между Трампом и Клинтон стала столкновением между деглобализатором, выражающим интересы «проигравших» рабочих, мелких производителей и индустриального капитала, с одной стороны, и защитником интересов глобального финансового капитала — с другой.

Технологические предпосылки деглобализации

Интернет и спутниковая связь, коммуникационные системы третьей индустриальной революции стали технологической основой глобализации рынка. Они вывели на первый план вопросы так называемой кибербезопасности, а учитывая преимущество США,

на чьей территории расположены основные глобальные серверы Интернета, и усиление борьбы за многополярный мир, конкуренты США стремятся освободиться от этой зависимости. Мобильные и сетевые технологии дают возможность прослушивать всех и вся, включая лидеров сверхдержав. Становится ясно, что глобализация резко увеличивает внешнюю уязвимость и возможность воздействия путем экономических и информационных межгосударственных войн, в результате государства вынуждены принимать меры для снижения рисков. Создаются локальные и региональные интернет-сети, изолированные от глобальной Сети, для усиления защиты от кибератак и кибервойн. Например, в Китае не используют поисковую систему Google, так как с ее помощью США могут вести информационную войну, слежение, воздействовать на китайскую аудиторию. Интернет превращается в место, куда перемещается преступность — мошенничество, кражи, атаки, а степень безопасности там является отражением резко возросшей нестабильности в реальном капиталистическом пространстве вокруг нас. Цифровое пространство становится местом воровства и обмана, зомбирования людей с помощью опасной информации, которая разрушает моральные устои и делает из подростков террористов. Страх и неуверенность растут, создавая предпосылки для изоляции, подобно тому как при формировании современной государственности идея суверенитета была неразрывно связана с конкретной территорией, на которой государство было в состоянии защитить своих граждан. Сейчас возникает и развивается идея не только территориального, воздушного и акваториального суверенитета, но и цифровой независимости и ее защиты.

Неуверенность и кризисы увеличивают тягу к деглобализации, контролю за перемещением людей, финансов, ресурсов, капиталов, информации. Доминирующим чувством, которое испытывает большая часть граждан разных стран, становится страх — терроризма, нападений, ограблений, убийств, потери работы и социального статуса.

Растущие опасности привели к возникновению нового тренда — моде на стены: от стен, защищающих богатые кварталы, до стен между государствами. Движение идет от neoliberalной идеологии таких свобод, как «свобода передвижения между государствами», «падение Берлинской стены», к возведению стен между государствами и внутри них, причем преграды становятся все основательнее и совершеннее, чем когда бы то ни было в истории. В исследовании, названном «Осажденный мир», популярный сайт «Project Syndicate» отмечает, что «от Аленго и Северной Кореи до Европейской комиссии и Федерального резерва места распада в глобальном мироустройстве продолжают увеличиваться... Если существует одно слово, которое лучше всего характеризует мировую экономику и геополитику, то это слово — «осажденная»»³.

С другой стороны, налицо тенденция к усилению контроля на границах в связи с потоками беженцев, мигрантов, террористов. Используются как все более со-

¹ Das Satyajit. The Closing of the World Economy. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2016-09-14/governments-are-leading-the-attack-on-globalization> (accessed: 14.09.2016).

² Li Eric X. The End of Globalism // Foreign Affairs. 2016. December 9. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-12-09/end-globalism/>

³ A World Besieged. URL: <https://www.project-syndicate.org/onpoint/a-world-besieged-2016-09?barrier=true> (accessed: 30.09.2016).

вершенные комбинации биочипов и электронного контроля, так и строительство укрепленных стен между государствами и в опасных регионах. В конце Второй мировой войны в мире существовало пять стен между государствами. В период с 1945 по 1989 год было возведено 19 стен. По окончании холодной войны, к 1991 году, их число сократилось до 12. Затем стены снова растут, и в 2014 году их стало уже 64, то есть в несколько раз больше, чем при биполярном мире — в эпоху социализма и капитализма¹. После падения Берлинской стены 40 государств воздвигли стены на своих границах с 64 соседями для ограничения потока нелегальных иммигрантов. Строительство более 30 из них началось после 11 сентября 2001 года, а 15 — в 2015-м. Некоторые аналитики назвали 2015 год «годом пограничных стен»².

США к настоящему времени построили на границе с Мексикой заграждения длиной 1078 км, где установили 12 тыс. датчиков движения, огромное количество видеокамер, 1,5 тыс. вышек для наблюдения и контроля, используется еще столько же мобильных АТС, передвигающихся вдоль границы. По официальным данным, около 7 тыс. человек были убиты или погибли по другим причинам при попытке пересечения границ, но вполне вероятно, что их число гораздо больше³. Несмотря на это, Дональд Трамп выиграл президентские выборы в США, сказав, что уже построенных стен недостаточно. Он заявил о начале строительства новой «Великой американской стены» длиной 3145 км по всей протяженности границы между США и Мексикой. Предполагается, что это будет одна из самых укрепленных и оснащенных современной техникой границ в мировой истории. Для сравнения, длина Берлинской стены, дата разрушения которой ежегодно торжественно отмечается, составляла 155 км. Рональд Рейган, начавший неолибераль-

ную глобализацию, в своей речи в Берлине в 1987 году призвал Михаила Горбачева стереть с лица земли Берлинскую стену, чтобы воцарились мир, процветание и глобализация. Его наследник Трамп спустя 30 лет заявляет о строительстве стены, в 20 раз длиннее предыдущей, из чего можно сделать вывод, что уже нет ни мира, ни процветания, ни глобализации. И так поступает не только он. В Австралии, другой стране эмигрантов, говорят о «милитаризации национальных границ» и «создании крепости Австралия»⁴.

В Болгарии в 2015 году было предложено внести в законодательство изменение, согласно которому для получения в посольствах любых видов виз необходимо предоставить свои биометрические данные, а достоверность указанных целей посещения, документов, мест пребывания подвергается более тщательному контролю. Следует отметить, что подобные меры ранее были введены в США и ряде других стран, то есть современные электронные технологии имеют своеобразную «биологическую власть» над человеком, а это приводит к еще большему контролю границ, чем когда бы то ни было прежде. Политически это «новое Средневековье» с разделением мира на части и нарастающим количеством границ будет сопровождаться доминирующими консервативными, популистскими и националистическими формами управления и легитимации, различными модификациями авторитаризма и нелиберальной демократии в эпоху цифровых технологий. Неслучайно начиная с 1970-х годов и до настоящего момента в среде интеллигенции стал популярен постмодернизм, который говорит о крахе больших нарративов и представлений о том, что человечество движется к некой общей универсальной модели развития. В мире «за забором» каждый идет своим путем к будущему и следует своей модели развития.

¹ Borders, Fences and Walls. State of Insecurity? / ed. E. Vallet. Ashgate. 2014. P. 2.

² Jones R. Why Border Walls Fail // Project Syndicate. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/why-border-walls-fail-by-reece-jones-2015-09> (accessed: 18.09.2015).

³ Palma M. B. Borderland Deaths of Migrants Quietly Reach Crisis Numbers. URL: <http://www.truth-out.org/news/item/25116-borderland-deaths-of-migrants-quietly-reach-crisis-numbers> (accessed: 27.07.2014).

⁴ Lees Josh. The construction of fortress Australia // Readflag. Newspaper of Socialist Alternative. 2015. 15 Sept.